

Связь командования батальона с командованием полка осуществлялась по полевому телефону, а во время движения — по рации. Рация представляла собой громоздкое и тяжелое изделие, которое обслуживали радист и его помощник. Обязанности помощника были чисто транспортными, он нес на себе рацию, а радист в это время обеспечивал связь. Связь батальона с ротами была по телефону, а связь ротного командира с командирами взводов — через посыльных. Телефонная связь часто повреждалась, и ее приходилось восстанавливать под обстрелом, что приводило к большим потерям среди связистов. Но больше всего потерь было среди посыльных, которые обеспечивали связь между командирами роты и командирами взводов. В их обязанности входило добежать часто по открытой местности и под обстрелом от командного пункта роты до командира взвода, передать приказание, вернуться и доложить о выполнении и обстановке на переднем крае. Не все добегали.

Многие из тех, кто не добегал, остались бы живы, если бы тогда имелись такие средства связи, как сейчас. В то же время возникает мысль, что технический прогресс распространяется не только на средства связи, и что благодаря техническому прогрессу появились и очень эффективные средства уничтожения всего живого и неживого в виде ядерного оружия. Так что, может, и хорошо, что Отечественная война шла в условиях технического уровня 40-х годов прошлого столетия, а то общие потери могли бы быть намного больше. Видимо, правильно, что для истории не существует сослагательного наклонения, и не следует мысленно делать перемонтаж исторической обстановки по своему разумению.



Формула Булаха

Сын Глеба Дмитриевича Булаха передал книгу воспоминаний своего отца — бывшего преподавателя Одесского водного института — Михаилу Михайловичу Жванецкому, бывшему студенту того же Водного. Передал с гордостью, что судьбы этих людей пересеклись.

Так книга эта, изданная в Киеве, "Путь в неизведанное", оказалась в Одессе — городе, где Глеб Дмитриевич прожил без малого тридцать лет.

Так книга эта оказалась не только в редакции, но и у М.Б. Поизнера — тоже бывшего студента Водного, которому тоже выпала удача в конце шестидесятых годов уже прошлого века учиться сопромату у самого Глеба Дмитриевича Булаха.

Как я теперь понимаю, Глеб Дмитриевич являл собой тот, увы, наверное, уже навсегда исчезнувший тип разностороннего инженера не только с широким техническим кругозором, но и впечатляющим общекультурным уровнем. Тем более духовным...

Конечно, прежде всего, он был инженером. Инженером с большой буквы.

Ко времени моего знакомства с Глебом Дмитриевичем возраст его приближался к 70-ти. Так или иначе, этого нельзя не учитывать.

Что запомнил я?

Жил Глеб Дмитриевич одиноко. Это то внутреннее одиночество, которое зачастую скрашивается "нужностью" людям и делу, которому ты служишь. Преподавание было, может быть, единственной возможностью "говорить с людьми" и общаться в среде, где ты "имеешь, что сказать".

Когда каждое твоё слово весомо.

Когда каждый символ в только что написанной на доске формуле ты пропустил "через себя".

Когда с помощью одной интонации можно расставить необходимые ударения и акценты. Акценты на всю жизнь...

Глеб Дмитриевич обладал талантом заинтересовать, увлечь, раскрыть инженерные перспективы. Сфера его инженерных интересов — от теоретической механики и теории упругости до строительной механики, механики грунтов и теории устройства корабля. Многого он пытался поведать нам. Или, как писал наш факультетский поэт: "...И фермы есть, и арки, неразрезные балки и бесконечно жесткая консоль...". И в этом всем он не только глубоко разбирался. Он этим жил.

Глеб Дмитриевич преподавал с легкостью. С легкостью человека, щедро дарящего, может быть, не столько знания, сколько сами принципы и подходы к усвоению и дальнейшему практическому применению знаний.

Он был легким, но не безразличным человеком. Согласитесь, какой все-таки соблазн стать безразличным, "отбывающим номер" преподавателем в условиях, когда

ты – крупнейший инженер-практик, специалист по проектированию и расчетам прочности и устойчивости уникальных конструкций плавучих доков – должен снизойти до элементарных сопроматских истин, излагаемых перед примитивной студенческой аудиторией. И так каждый день. Из года в год – каждый день...

Он мог снизойти. Без оборотной стороны медали...

Я надолго запомнил оброненную им фразу об одном отчисленном за неуспеваемость студенте: "...Может быть, он раньше нас понял, что *средние* инженеры никому не нужны...". Мысль, более чем актуальная, в нашей повседневной действительности.

...Любой, кто мало-мальски сталкивался с сопроматом, хотя бы слышал о формуле Журавского – классической зависимости для определения величин касательных напряжений. В Водном институте эту формулу можно было легко запомнить по своеобразной расшифровке принятых буквенных обозначений:

$$T(\text{толкнешь}) = \frac{K(\text{Календарьяну}) \times C(\text{сопромат})}{B(\text{будешь}) \times И(\text{инженером})} \dots$$

Не в обиду любимому всеми Л.Х. Календарьяну, Булаху ничего не надо было "толкать" или делать "через себя". Сама обстановка "вокруг Булаха" заставляла, вернее сказать, настраивала на хотя бы любознательное отношение к этой дисциплине. А это уже немало!

Что до так называемых "*касательных напряжений*", то, как следует из приводимых ниже текстов воспоминаний, Глеба Дмитриевича *касалось* и *коснулось* многое... А *напряжений* и *перенапряжений* хватало бы на несколько жизней.

...Весьма трогательно было наблюдать, как из года в год Глеб Дмитриевич на "последнем звонке" дарил всем(!) девушкам духи. Гидротехники это хорошо помнят.

На лекции он мог внезапно вспомнить и процитировать "с выражением" отрывок из какого-нибудь замысловатого, "не затертого" стихотворения Лермонтова, Некрасова или Саши Черного. При этом Глеб Дмитриевич протирал очки, отрешенно смотрел как бы в сторону. Теперь я понимаю, что, очевидно, стихотворения эти возвращали его в какую-то конкретно пережитую жизненную ситуацию, к конкретным людям и поступкам. А жизнь загоняла его в угол не единожды...

Экзамены Глеб Дмитриевич принимал без особого ажиотажа. И это по сопромату! Обстановка была самая демократичная. Правда, перед ответом по билету Глеб Дмитриевич любил давать задачки с подвохом. Но при этом он не мог скрыть улыбки, которая тут же выдавала его благородные намерения.

Сочетание сопроматской строгости и инженерной смекалки с неизменной доброжелательностью. Вот таким запомнился наш Глеб Дмитриевич.

Может быть, это и была основная формула, выведенная всей предыдущей жизнью – жизнью человека своего времени. Не изменившего ни времени, ни себе.

Михаил ПОЙЗNER

Арест. Тюрма. Допросы*

19-го сентября около двенадцати часов ночи раздался звонок, кто-то из соседей открыл дверь и, постучавшись ко мне, испуганным голосом, сказал: "Глеб Дмитриевич, к вам пришли!". В комнату вошли трое вооруженных военных, скомандовали "Руки вверх!" и начали обыскивать меня. Убедившись, что у меня нет оружия, пересмотрели вещи и книги; не найдя ничего криминального, опечатали мою комнату, дали поцеловать сына Кирюшу, спавшего в соседней комнате, и увезли меня в ДПЗ на улицу Воинова, где я уже имел несчастье быть в 1922-м году.



Глеб Булах. 1930-е годы

После обыска в приемнике у меня отняли подтяжки и поясной ремень (чтобы я не повесился), отрезали пуговицы и, посадив в маленький чулан – "собачник", сказали, что утром будет допрос. Допрос проводил оперуполномоченный Паршин (по-видимому, кличка). После обычных анкетных вопросов последовало: "В чем вы признаетесь?" (вместо предъявления обвинения). Я отвечаю, что мне не в чем признаваться, на что Паршин говорит, что это обычный ответ преступника, но, как известно, НКВД зря людей не арестовывает. На этом допрос закончился, мне предложили подумать и отвели в общую камеру, где в громадной толпе заключенных я увидел человека в лохмотьях, с длинной седой бородой.

Это был М.М. Обольянинов, которого я всегда видел чисто выбритым, элегантно одетым. Он уже два с половиной месяца как был арестован, очень холодно мы с ним поздоровались, так как в то время я, не понимавший сути происходившего, считал, что он подло вел себя по отношению ко мне, когда в декабре 1937-го года поддакивал Коробову, обвинявшему меня в саботаже на верфи. Только значительно позже я понял, что тогда, в 1937-м году, Михаил Михайлович ничего не мог сделать, чтоб защитить меня. Осуждать его я не имел права. Встретившись теперь, мы обменялись ничего не значащими фразами о том о сем. Только между прочим М.М. Обольянинов промолвил: "Вот увидите, батенька, что здесь творит-

*Глава из книги "Херсон. Путь в неизведанное" – Киев: Карбон, 2004.